

Оглавление

Предисловие авторов	7
Глава 1 «Трахаться ради фюрера»	
<i>Рождение салона Китти</i>	<i>15</i>
Глава 2 Любовь на продажу	
<i>Секс и проституция в Веймарской республике</i>	<i>45</i>
Глава 3 Любовь под запретом	
<i>Подавление эроса нацистами</i>	<i>59</i>
Глава 4 Конец любви	
<i>Секс в концентрационных лагерях, армейских борделях и проект «Лебенсборн»</i>	<i>73</i>
Глава 5 Лицемеры	
<i>Секс и тайная жизнь нацистской элиты</i>	<i>100</i>
Глава 6 Извращённая любовь	
<i>Как нацисты использовали реальные и сфабрикованные сексуальные скандалы, чтобы добиться тотального контроля</i>	<i>148</i>

Глава 7	Соперники	
	<i>Гейдрих, Канарис — и межведомственная конкуренция нацистской полиции и разведки</i>	183
Глава 8	Шпионы в обители любви	
	<i>Превращение борделя в центр шпионажа</i>	213
Глава 9	В поисках Китти Шмидт	
	<i>По следу женщины-загадки.....</i>	233
Глава 10	Китти Шмидт и нацисты	
	<i>Жертва, оппортунистка или пособница?</i>	249
Глава 11	Итог	
	<i>Судьба Китти Шмидт, её борделя и её семьи.....</i>	263
Глава 12	Салон Китч	
	<i>Образ заведения в исторической литературе и на экране</i>	280
	Заключение	
	<i>Расследование и результаты</i>	305
	Послесловие	
	<i>«Здесь всё ещё бордель?»</i>	319
	Благодарности	323
	Хронология.....	327
	Краткие биографии	334
	Библиография	348
	Предметно-именной указатель	351

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРОВ

Легенда о салоне Китти хорошо известна историкам, режиссёрам, кинозрителям и, конечно же, всякому, кто хоть сколько-нибудь глубоко интересовался историей нацистской Германии. Однако вплоть до настоящего времени в их распоряжении было мало подтверждаемых фактов, и тема обросла множеством мифов, слухов и легенд. Суть примерно такова: это был широко известный и престижный берлинский бордель, обслуживавший клиентов из высшего общества как в годы Веймарской республики, так и после прихода Гитлера к власти. Незадолго до начала Второй мировой войны нацистские спецслужбы превратили салон в хитроумно организованный пункт прослушки с тем, чтобы шпионить за высокопоставленными посетителями — как иностранцами, так и соотечественниками. Здесь использовались тщательно спрятанные микрофонные жучки, а специально обученные проститутки-шпионки, выдавая себя за «непрофессионалок», должны были вытягивать из своих клиентов конфиденциальную информацию во время

постельных разговоров, завязывавшихся в ходе эротических сеансов.

Существуют разные описания салона Китти. Историк Ганс-Петер Блойель назвал его «самым выдающимся заведением любви на продажу в Третьем рейхе», автор журнала *Der Spiegel* Фриц Румлер — «борделем высшего класса», а режиссёр-документалист Роза фон Праунхайм — просто «местом шпионских встреч». Подлинная история и роль этого учреждения привлекали к себе внимание многих, но оказались трудноуловимыми.

Автором единственной ранее существовавшей книги на эту тему — «*Madam Kitty*» (*Madam Kitty*), которая вышла в 1973 году и легла в основу «Салона Китти», скандально известного фильма 1976 года в жанре Nazi-sexploitation, был Петер Норден (псевдоним журналиста Йозефа Фрица). По его словам, бордель стал использоваться для слежки за друзьями и врагами после того, как хозяйку и управляющую борделя Китти Шмидт самым грубым образом принудили к сотрудничеству с нацистской спецслужбой, которой руководил Рейнхард Гейдрих. Бордель открылся и работал ещё до того, как нацисты впервые проявили к нему интерес, а его владелицей была не заурядная «мадам», а умная и утончённая светская львица, вращавшаяся в кругу элиты берлинского общества межвоенного периода. Если верить рассказу Нордена, Китти была вынуждена согласиться на это тайное сотрудничество после того, как к ней применили меры жесткого воздействия в камере внутреннего изолятора печально известной штаб-квартиры нацистской тайной полиции и службы безопасности на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине. В случае отказа от сотрудничества ей угрожали отправкой в концентрационный лагерь.

Автором плана по превращению борделя в пункт прослушивания и центр шпионажа был сам Рейнхард Гейдрих. Жестокый, безжалостный и начисто лишённый морали Гейдрих был создателем и руководителем Главного управления имперской

безопасности (*Reichssicherheitshauptamt*, или РСХА) — зонтичной организации, которой он подчинил все конкурирующие органы безопасности и тайной полиции рейха, создав на их основе слаженную чудовищную машину репрессий и террора. План Гейдриха относительно салона Китти был прост. Он собирался задействовать специально обученных проституток, чтобы те, встречаясь с важными дипломатами и зарубежными гостями, а также с высшими руководителями и функционерами самой нацистской партии, разыгрывали трюки в стиле Маты Хари. Секс-работницы должны были извлекать информацию из разговоров своих клиентов, которые параллельно без их ведома фиксировались скрытыми подслушивающими устройствами — лучшими из тех, что можно было найти на тот момент. Разговоры записывались на восковые диски или недавно изобретённые магнитные ленты и постоянно прослушивались группой технических специалистов СС, разместившейся в подвале борделя.

Урс Бруннер впервые наткнулся на эту удивительную историю в декабре 2011 года, когда к его кинокомпании *Angel & Bear Productions* обратился продюсер Марк Бут, который рассматривал возможность создания нового фильма на основе этого сюжета. Он искал делового партнёра для написания сценария и производства кинокартины, и его предложение выглядело перспективным. В портфолио Марка имелись лицензионные права на фильмы итальянского режиссёра Тинто Брасса, в том числе на его фильм 1976 года «*Салон Китти*», который газета *Frankfurter Allgemeine Zeitung* окрестила «наиболее изысканным из всего кинотреша о нацистах».

Нас привлекла идея заняться этой историей, потому что в то время продюсеры кино и телевидения вновь стали проявлять интерес к Берлину межвоенного периода. Всегда завораживавший художников город героев «*Кабаре*» и веймарского декаданса накануне захвата власти Гитлером теперь позволял придать экранному образу нацистов нюансы, которых не было раньше. Если раньше их показывали исключительно одно-

мерно — бандитами и «плохими парнями» в боевиках, то теперь ситуация изменилась. Им уже не обязательно было демонстрировать свои извращения в эксплуатационных порнофильмах. Теперь они могли играть и главные роли — причём в серьёзных кинолентах с претензиями на «Оскар», таких как снятый в 2005 году «Бункер» (*Downfall*). Качественные немецкие телесериалы о том, как нацизм постепенно вызревал в Веймарской республике, например «Наши матери, наши отцы» (*Unsere Mütter, unsere Väter*) 2013 года или «Вавилон-Берлин» (*Babylon Berlin*) 2017 года, пользовались спросом во всём мире. Точно так же обстояло дело и с англо-американскими кинопроектами: «Операция “Валькирия”» (*Valkyrie*) 2008 года с Томом Крузом в роли графа Клауса фон Штауффенберга (несостоявшегося убийцы Гитлера) и выдающимся британским актёрским составом или «Бесславные ублюдки» Квентина Тарантино 2009 года стали не менее успешными примерами этого жанра.

Первый и самый насущный вопрос, с которым мы столкнулись, исследуя историю салона Китти, заключался в том, в какой именно степени она основана на исторических документах, находящихся в открытом доступе, и что в ней взято из вторичных источников или литературы. Приступив к поиску документально подтверждаемой сюжетной линии, мы сделали поразительное и весьма отрезвляющее открытие: практически не существует достоверных источников, касающихся того, что происходило в салоне Китти, а также людей, регулярно навещавшихся в бордель на Гизебрехтштрассе, 11, в западноберлинском районе Шарлоттенбург. По крайней мере, таков был результат первого — на тот момент скорее поверхностного — этапа нашего расследования. Вместо неопровержимых фактов мы столкнулись со множеством легенд и причудливых слухов, приправленных зловещими историями, явно созданными ради коммерческой эксплуатации. Поэтому первоначально мы были вынуждены согласиться с газетой *Die Welt*, которая в 2004 году пришла к следующему выводу:

На Гизебрехтштрассе действительно был бордель, а работавшие там женщины, возможно, были информаторами полиции. Всё остальное, что рассказывают о «Салоне Китти», скорее всего, является выдумкой, сотканной из фрагментов исторических знаний, извращённых фантазий и аналогий с методами современных разведывательных служб.

Однако вместо того, чтобы просто принять этот обескураживающий вывод, мы поддались искушению копнуть немного глубже. К дальнейшим поискам нас подтолкнула книга Петера Нордена *«Мадам Китти»*, вышедшая в 1973 году. Несмотря на все присутствующие там вымышленные сцены и выдуманные диалоги, а также заявление самого автора, признавшегося, что его «документальный роман» находится где-то посередине между фактом и вымыслом, нам показалось, что в тексте всё же содержится некое ядро истины, которое можно увязать с доказуемыми фактами. Кроме того, сам Норден с гордостью назвал свою книгу «правдивой историей». При всём уважении к изобретательности и воображению писателя нам было трудно поверить, что он просто выдумал все эти «факты». Так или иначе, это подстегнуло наш интерес и любопытство, поэтому мы приобрели права на экранизацию книги Нордена и взялись за собственное серьёзное исследование тёмного прошлого Китти Шмидт и подробностей того, что же всё-таки происходило в её заведении на Гизебрехтштрассе.

Мы начали с систематического изучения доступной литературы и архивов, а также свидетельств современников, статей в прессе, кино- и фотоматериалов. Наш поиск занял несколько лет и оказался крайне увлекательным, при этом потребовал много времени и усилий. В конце концов по мере накопления материала мы забыли о нашем первоначальном замысле просто снять фильм — и в результате на свет появилась эта книга.

Книга прослеживает деятельность и жизненный путь владелицы одноимённого салона — самой Китти Шмидт — и через призму её личности рассказывает историю публичного дома,

которым она заведовала. Мы стараемся как можно строже отделять факты от вымысла. Мы опирались на воспоминания современников, а также на мемуары, фотодокументы и многочисленные вторичные источники, и нам удалось пролить свет на это очень запутанное дело и рассказать наконец в полном масштабе историю салона, его хозяйки, её «девочек», а также «гостей», которых они услаждали и за которыми шпионили.

Историю салона Китти невозможно адекватно изложить и до конца понять без более полного знакомства с Третьим рейхом, тем обществом, которое породило этот феномен, а также с историей и методами работы шпионских, полицейских и разведывательных служб этого государства. Поэтому мы провели исследование и этого аспекта тоже — с тем, чтобы вписать наш сюжет в более широкий контекст веймарского Берлина — с его ночной жизнью, славившейся своим развратом и декадансом, его проституцией. Мы также изучили те приёмы и методы, к которым прибегали нацисты, использовавшие секс и эротику ради того, чтобы проворачивать свои тёмные дела.

Мы описываем ту роль, которую секс и проституция играли в Германии в целом в 20-е и 30-е годы прошлого века. Мы пытаемся заглянуть за кулисы гламурного Веймара, изображённого в таких фильмах, как «*Кабапе*» (*Cabaret*), и увидеть таившуюся за ним прозаическую реальность. Мы внимательно изучили поразительное многообразие клубов и заведений, специализировавшихся на предоставлении сексуальных услуг, которые были доступны людям с деньгами, в страдающей от экономического кризиса и доведённой до отчаяния в политическом плане стране. Мы показываем, как нацисты использовали и извращали секс, когда пришли к власти в 1933 году, подавляя все скольконибудь яркие проявления эротизма, с одной стороны, а с другой — используя его в своих собственных порочных целях. Примерами второго могут служить публичные дома в концентрационных лагерях или программа «*Лебенсборн*» («Источник жизни»), основанная на расистской идеологии нацистов и ста-

вившая своей целью выведение «чистой» арийской расы: женщин поощряли рожать детей от офицеров СС вне рамок «буржуазного» брака.

Мы расскажем историю конкурирующих полицейских и разведывательных служб нацистов: гестапо, *крипо* (криминальная полиция), абвера (военная разведка), СС и собственной службы безопасности этой организации — СД (*Sicherheitsdienst*), которая была создана и управлялась Гейдрихом. Мы поведаем о наполненном удивительными перипетиями соперничестве и странах — в диапазоне «от любви до ненависти» — отношениях между Гейдрихом и его наставником адмиралом Вильгельмом Канарисом, главой абвера. Мы продемонстрируем, как всепроникающее нацистское полицейское государство создавало атмосферу страха и террора, официально поощряя доносы со стороны простых граждан на тех, кого подозревали в оппозиционности или недостаточном патриотизме. Нацистское государство, как мы четко показываем, никоим образом не являлось тщательно отлаженным механизмом, работавшим с беспощадной эффективностью. Напротив, это был своего рода вечный бардак, в котором участвовали одержимые ревностью руководители и их ведомства, конкурировавшие между собой, то и дело вставлявшие друг другу палки в колёса и питавшиеся взаимным недоверием и ненавистью.

Не менее свирепыми были личные схватки между нацистскими главарями, толкавшимися локтями друг с другом, чтобы привлечь к себе внимание и благосклонность фюрера. Соперничество между Герингом, Геббельсом, Рёмом, Риббентропом, Борманом, Гиммлером и Гейдрихом представляло собой ни на минуту не прекращавшуюся битву, которая весьма поспособствовала финальному краху Третьего рейха. Мы рассматриваем биографии этих безжалостных людей, пытаюсь определить, как их личные черты и сексуальные предпочтения повлияли на катастрофический ход немецкой — и европейской — истории XX века.

Однако основной темой книги остаётся невероятная история самого салона Китти и загадочные мотивы его хозяйки. Мы исследуем возникновение этого наиболее эксклюзивного из всех «домов наслаждений» в веймарском Берлине и то, как и почему он превратился в нацистский бордель, где власть шпионила за ничем не подозревавшим обществом. Мы проследим за жизненным путём Китти Шмидт, уделив особое внимание воспоминаниям тех, кто лично контактировал с ней до, во время и после того, как она стала самой скандальной «мадам» Германии. Мы поставим вопрос о мотивах Китти: была ли она циничной оппортунисткой, добровольной марионеткой нацистов, которые внедрились в её заведение и взяли его под свой контроль, — или же просто женщиной, которая делала всё возможное, чтобы уцелеть в атмосфере невыносимого давления и угроз? И как именно эта арийка, среди друзей и клиентов которой было много евреев, воспринимала всепроникающий антисемитизм, ставший определяющей чертой нацистского режима?

Наконец, мы отправимся на Гизебрехтштрассе, 11, и лично посетим то здание, которое находится в самом центре нашей истории, чтобы увидеть, как оно выглядит сегодня. Хотя в 1943 году салон Китти был сильно повреждён в ходе бомбёжек союзников, он всё же уцелел во время апокалиптического разрушения города в 1945 году — и полная превратностей судьбы история продолжилась. Мы перешагнём пороги комнат, через которые до нас переступало множество «выдающихся» (и не очень выдающихся) ног, вновь посетим «альковы любви», где было неосторожно выплеснуто огромное количество секретов, и спустимся в подвалы, где бдительные уши эти секреты тщательно выслушивали и фиксировали полученную информацию. Снимая покровы с истории салона Китти, мы предаём огласке одну из самых последних нерассказанных историй Третьего рейха, его вождей и Второй мировой войны.

Найджел Джонс, Урс Бруннер, Юлия Шраммель

ГЛАВА 1

«Трахаться ради фюрера»

Рождение салона Китти

У группенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха родилась идея. В этом не было ничего необычного, ведь внушающий страх глава *Reichssicherheitshauptamt* (Главного управления имперской безопасности, РСХА) нацистской Германии — организации, объединившей под своей крышей основные репрессивные органы гитлеровского режима, — всегда был неиссякающим генератором планов по усовершенствованию системы контроля, запугивания и террора в отношении безропотного населения страны. Однако нынешний замысел, впервые сложившийся в голове у Гейдриха незадолго до начала Второй мировой войны, отличался своей дерзостью и безнравственностью даже по извращённым меркам человека, прозванного «палачом Гитлера».

Его суть состояла в том, чтобы, по вульгарному выражению одного современного немецкого историка, «трахаться ради фюрера». Гейдрих намеревался взять под свой контроль самый

скандальный и элитный бордель Берлина, который был известен как «Салон Китти». План этот предусматривал использование новейших высокотехнологичных подслушивающих устройств в сочетании со специально подобранными и обученными женщинами — которые отличались как своим сексуальным обаянием, так и преданностью делу нацизма, — чтобы шпионить за мужской клиентурой борделя. Агенты Гейдриха должны были обрабатывать прибывавших с визитом в столицу рейха высокопоставленных иностранцев и ненавязчиво направлять их предаваться утехам в первейшем «доме наслаждений» столицы.

Гейдрих обладал весьма циничным взглядом на человеческую природу и прекрасно знал о моральной неустойчивости своих коллег из числа нацистских руководителей. Он понимал, что в числе посетителей борделя непременно окажутся и ведущие национал-социалисты. Ещё бы, ведь он и сам нередко прибегал к услугам подобных заведений. К тому же он совершенно не стеснялся шпионить за своими коллегами и соперниками. Полученной таким образом информации предстояло пополнить запас компрометирующих тайн, собранных в папках, которые постепенно накапливались в сейфе его кабинета.

По замыслу Гейдриха, едва переступив порог заведения, расположенного по адресу Гизебрехтштрассе, 11, в фешенебельном квартале Шарлоттенбург в западной части города, посетители должны были подпасть под обаяние его знаменитой хозяйки и «мадам» — самой Китти Шмидт. Щедро угостив гостей шампанским, изысканными винами или крепкими напитками в непринуждённой буржуазной атмосфере роскошного зала для приёмов (его украшали бархатные кресла и занавески, репродукции картин старых мастеров и настенные зеркала в уютном стиле бидермайер), Китти в качестве жеста, свидетельствующего о доверии и уважении к гостю, доставала свой особый «интимный» альбом.

В этом иллюстрированном досье были представлены соблазнительные фотографии 20 девушек, работавших в салоне. Муж-

чины, с нетерпением листавшие страницы альбома, не догадывались, что все эти девушки одновременно являются агентами *Sicherheitsdienst* (СД) — эсэсовской спецслужбы Гейдриха. Строго отобранные по своей физической привлекательности, сексуальной страстности и наличию эротических навыков — а некоторые из них относились к высшим кругам светского общества рейха, — эти женщины также проходили через сито отбора по интеллекту и свободно владели по крайней мере одним иностранным языком. Но в первую очередь они были слепо преданными и идеологически подкованными сторонницами национал-социализма. Тех, кто соответствовал базовым параметрам для предполагаемой роли, посвящали в ряды СС и обучали сочетать профессиональное «ремесло» с более тонкой агентурной работой: вытягивать из клиентов во время постельных посткоитальных разговоров конфиденциальную информацию.

В то же самое время — и в тайне от ничего не подозревавших клиентов — все их разговоры записывались скрытыми микрофонами, которые в количестве примерно 50 штук были аккуратно установлены в «альковах любви» салона. Звуки и слова, улавливаемые этими жучками — самой современной на тот момент технологией из арсенала средств слежки СД, — передавались по протянутому в полостях стен проводам в подвал салона Китти. Здесь команда из пяти технических специалистов СД (давших подписку о неразглашении под страхом смерти) несла круглосуточное дежурство, записывая и прослушивая записи на восковых дисках или более современных магнитных лентах. Принцип резервной подстраховки был типичен для страдавшего тяжёлой формой перфекционизма Гейдриха, обеспечивая проекту двойную надёжность и давая двойную гарантию успеха. Но все эти планы пока ещё лишь угадывались в блеске узких буравящих собеседника глаз Гейдриха — в тот день 1939 года, когда шеф РСХА вызвал к себе в кабинет своего наиболее надёжного и эффективного подручного — Вальтера Шелленберга.

Встреча, которая ознаменовала рождение салона Китти, состоялась в кабинете Гейдриха во дворце принца Альбрехта — огромном и просторном здании XVIII века в стиле рококо, которое когда-то принадлежало Гогенцоллернам — бывшему правящему дому кайзеровской Германии. Вскоре после прихода нацистов к власти в 1933 году дворец и окружающие его здания, в том числе бывший отель «Принц Альбрехт» и находившийся по соседству Музей искусств и ремёсел, были захвачены разраставшимися как на дрожжах спецслужбами нацистов и превращены в штаб-квартиру их карательных органов, наводивших ужас на население. Главное управление гестапо (тайной политической полиции) располагалось внутри комплекса вместе с центральным руководством СС — элитной нацистской организации, личный состав которой обеспечивал работу концентрационных лагерей. Позднее из их числа будет набираться персонал для реализации самой чудовищной миссии нацистского режима — истребления европейских евреев. Там же располагалась служба безопасности СД — внутреннее подразделение СС, отвечавшее за разведку и шпионаж. Подвалы дворца были переоборудованы под тесные, лишённые окон тюремные камеры, где содержались в заключении, подвергались избиениям, издевательствам, а иногда и казням не только открытые противники режима, но и те, кто просто навлекал на себя какие-то подозрения. К концу 1930-х годов одно лишь выражение «Принц-Альбрехтштрассе» стало устрашающим эвфемизмом. Каждому немцу этот адрес был известен как место террора, пыток и бесследных исчезновений в «ночи и тумане» — *Nacht und Nebel* — системы концентрационных лагерей. Для очень многих попадание сюда означало смерть.

Верховным пауком в центре этой паутины террора был сам Рейнхард Гейдрих. Крайне умный и столь же жестокий, циничный и безжалостный Гейдрих к тому же был въедливым и вечно подозрительным бюрократом, воображавшим, что все окружающие его люди — будь то убеждённые нацисты, послушные исполнители и откровенные враги — по своей натуре не менее

злонамеренны, чем он сам. Поэтому он постоянно накапливал свой массив информации — касавшейся отрицательных черт характера и личных слабостей сотен государственных чиновников, которые работали под его началом, — чтобы воспользоваться ею, как только для этого появится возможность или необходимость. План по превращению элитного борделя в центр шпионажа идеально подходил для подобной цели.

Гейдрих, подчинявшийся, помимо самого Гитлера, только своему непосредственному руководителю по линии СС рейхсфюреру Генриху Гиммлеру, в 1939 году был занят доработкой ранее намеченных бюрократических планов, которые предстояло завершить в течение года. Необходимо было провести окончательную централизацию органов государственного террора, собрав их в единую организацию под его личным контролем, — Главное управление имперской безопасности, или РСХА. В роли верховного распорядителя всеимперского аппарата террора, шпионажа и репрессий Гейдрих, которому едва исполнилось 35 лет, полностью заслужил восхищённое уважение Гитлера, назвавшего его «человеком с железным сердцем». Гейдриха опасались и ненавидели даже его ближайшие коллеги: его соперник по работе в разведке адмирал Вильгельм Канарис отозвался о нём как о «самом умном чудовище» рейха. Грозный, но извращённый мозг жестокого и хладнокровного Гейдриха порождал всё новые дьявольские схемы, направленные на расширение его паутины контроля. Собственно, ради этого он в тот день и вызвал к себе Шелленберга.

Казалось, Вальтера Шелленберга отливали по той же — созданной из чистого зла — форме, что самого Гейдриха. Этот 30-летний (моложе своего шефа) юрист, ставший сотрудником СД, был выходцем из такой же мелкобуржуазной и музыкальной среды. Если отец Гейдриха Бруно сочинял не пользовавшиеся большим успехом оперы в стиле Вагнера и руководил консерваторией в своём родном городе Галле, то отец Шелленберга зани-

мался производством роялей в западногерманской земле Саар. В период Веймарской республики обе семьи пострадали от экономического кризиса, вызванного безудержной инфляцией 1920-х годов. В результате многие семьи среднего класса, такие как Гейдрихи и Шелленберги, оказались ввергнуты в благородную нищету; это превратило их во врагов демократии и сделало лёгкой добычей для экстремистской пропаганды набиравшего силу нацистского движения. Из-за стеснённого материального положения Шелленберги вынуждены были даже покинуть Германию и перебраться в соседний Люксембург. После возвращения на родину Вальтер Шелленберг поступил на юридический факультет Боннского университета и во время учёбы был завербован СД в качестве информатора. В 1933 году он вступил в СС.

Своим интеллектом и циничной готовностью перешагнуть через формальные юридические ограничения ради партийных нужд и собственных карьерных амбиций молодой человек вскоре привлёк к себе благосклонное внимание Гейдриха. Успешно справившись с различными шпионскими заданиями во Франции и Италии и пройдя посвящение в тайный мир разведки, Шелленберг вместе с Гейдрихом приступил к подготовке почвы для создания РСХА в качестве центрального инструмента нацистского государственного террора, не ограниченного принципом верховенства закона. Именно Шелленберг предложил название и представил проект организационной структуры РСХА, и именно в ходе этой работы Гейдрих поручил ему дополнительное задание — создать центр шпионажа под видом салона Китти.

Как Гейдрих, так и Шелленберг вряд ли могли служить образцовыми примерами официальной государственной линии в том, что касалось сексуальной морали и супружеской верности — всего того, что лидеры Третьего рейха неустанно проповедовали, но чего редко придерживались сами. В 1931 году Гейдрих был вынужден уйти в отставку со своего первого места службы на флоте по приговору суда чести за «поведение, недо-

стойное офицера». Он нарушил данное им обещание жениться на дочери одного влиятельного человека, бывшего другом командующего флотом адмирала Эриха Редера. Позорный эпизод, однако же, в итоге стал трамплином для его впечатляющего карьерного взлёта в нацистской разведке. Женщина, на которой он всё-таки женился в том же году, ярая нацистка Лина фон Остен, уговорила своего безработного мужа направить Гимmlеру предложение по созданию разведывательной службы для нужд СС. У Гейдриха не было никакого опыта в области разведки (на флоте он был специалистом по связи), но, запойный читатель бульварной литературы про шпионов, он использовал приобретённые таким образом познания и свой собственный врождённый интеллект, чтобы в течение получаса набросать общую схему организации, которая под его руководством вскоре превратится в службу СД. Гимmlер был должным образом впечатлён представленным эскизом, а также белокурым, с безупречной арийской внешностью высоким молодым человеком — и принял его на работу.

Состоя в браке с Линой и став отцом четверых детей, Гейдрих тем не менее испытывал потребность в сексе и был постоянным посетителем берлинских борделей. Скорее всего, подобного рода визиты и навели его на мысль использовать публичный дом в качестве пункта прослушки. Шелленберг не принадлежал к страстным любителям сексуальных приключений, как его шеф, но при этом не уступал ему в чёрствости и безнравственности. Незадолго до описываемых событий он бросил свою первую жену — швею скромного происхождения, которая была на восемь лет его старше, из-за того что она выглядела неподходящей спутницей жизни с точки зрения его будущих карьерных устремлений. При этом первая фрау Шелленберг, Кэте Кортекамп, ранее щедро оплачивала его обучение в университете. После расставания с брошенной супругой Шелленберг в качестве утешительной компенсации подарил ей швейную фабрику, конфискованную у еврейских владельцев.

Его вторая жена, брак с которой Шелленберг заключил в 1940 году после развода с Кэте, — Ирена Гроссе-Шёнепаук, представительница среднего класса, высокая и элегантная — представлялась ему более подходящим партнёром для той будущей роли, в которой он себя видел. Если у Шелленберга и были какие-либо буржуазные предрассудки относительно подпольного мира коммерческого секса, он готов был по приказу Гейдриха подавить их, руководствуясь высшими соображениями, и прежде всего стремлением угодить своему шефу и продвигаться по служебной лестнице.

Согласно небеспристрастной версии событий, изложенной после войны самим Шелленбергом, первый — неожиданный — вопрос Гейдриха в ходе их встречи касался того, верен ли он своей жене. Когда Шелленберг ответил утвердительно — несмотря на то что как раз в этот период он находился в процессе развода со своей первой женой и замены её на следующую, — Гейдрих приступил к изложению своего грандиозного плана. Он сообщил Шелленбергу, что ему становится всё труднее собирать информацию с использованием стандартных методов и каналов — донесений информаторов и платных агентов. Не будет ли более практичным и результативным подслушивать интересующих личностей в неформальной обстановке и атмосфере, такой, где алкоголь скорее развяжет им языки? Он добавил, что подразумевает присутствие молодых и привлекательных женщин в ресторане или, возможно, в каком-то более уединённом месте, где они могли бы слушать своих подвыпивших кавалеров и фиксировать информацию, которая представляет интерес для спецслужб.

По словам Петера Нордена, автора вышедшей в 1973 году книги *«Мадам Китти»*, Шелленберг, ознакомившись с подробностями, умолял доверить осуществление этого плана ему. Гейдрих был занятым человеком. Он тут же поручил Шелленбергу в течение недели подготовить первый предварительный доклад и отправил его восвояси. Возможно, среди причин, по которым Гейдрих для создания салона Китти выбрал именно Шеллен-

берга, была ещё одна, тайная, которая хорошо укладывалась в коварную и злобную натуру шефа СД: он подозревал, что его молодой протеже втайне состоит во внебрачной связи с одной тоже молодой замужней женщиной. По восхитительной иронии судьбы, этой особой была не кто иная, как его собственная супруга, Лина Гейдрих.

Нет никаких сомнений, что в конце 1930-х годов брак четы Гейдрихов пребывал в состоянии глубокого кризиса. Поглощённый строительством своей империи террора, Гейдрих проводил всё меньше и меньше времени со своей женой и маленькими детьми. Лина всерьёз подозревала, что её муж, весьма охочий до секса, находит время, чтобы шляться по ночным кабакам и борделям и предаваться случайным половым связям. Лина, со своей стороны, была не из тех женщин, которые готовы безропотно принять измену мужа и молчать, как подобает хорошей арийской жене. Будучи по натуре сильной личностью, Лина мстила, заводя собственные любовные интрижки. Рассказывали, будто бы у неё был роман с нацистским художником Вольфгангом Вильрихом, который писал картины и рисовал портреты её супруга в 1935 году, и с офицером СС по имени Вильгельм Альберт. Однако наиболее значимой для истории салона Китти была её «дружба» с Шелленбергом.

Несомненно, что Лина и Шелленберг вступили в близкие отношения вскоре после их первой встречи на одном официальном мероприятии в 1935 году. После войны Лина сама призналась, что намеренно у всех на глазах флиртowała с симпатичным молодым сотрудником, желая вызвать ревность у своего супруга. Но совершенно не исключено, что связь между ними зашла гораздо дальше. Разумеется, у Гейдриха были веские основания полагать, что так оно и произошло. В своих собственных послевоенных воспоминаниях Шелленберг описывает одну крайне необычную историю. После характерной вечерней попойки, в ходе которой Шелленберг расслаблялся в компании своего шефа и ещё одного зловещего сотрудника полицейского

аппарата, Генриха Мюллера, Гейдрих вдруг заявил Шелленбергу, что подсыпал в его бокал смертельный яд — и даст ему противоядие только в том случае, если Шелленберг расскажет правду о своих отношениях с Линой. Шелленберг не задумываясь пробормотал что-то вроде признания в интимной близости, после чего, по собственным словам, решил, что впредь ему будет лучше воздержаться от всякого общения с Линой Гейдрих. Если в этом рассказе есть хоть крупинка правды, то вполне вероятно, что назначение Шелленберга ответственным за операцию в салоне Китти было извращенной формой мести, которая родилась в воспаленном мозгу Гейдриха.

Планировать секретные операции и одновременно плести интриги ради удовлетворения своих собственных непомерных, практически безграничных амбиций, жажды личной власти — всего этого более чем достаточно, чтобы полностью поглотить рабочее время любого человека. Неудивительно, что Гейдрих постоянно пребывал в состоянии крайнего напряжения. В редкие часы, свободные от сидячей кабинетной работы в службе безопасности, молодой и маниакально активный группенфюрер СС искал отдыха и развлечений. Вначале он обратился к спорту. Он был фехтовальщиком олимпийского уровня, заядлым пловцом и яхтсменом. Однако же понятно, что лишь очень смелый, если не сказать безрассудный противник отважился бы превзойти его в поединке на рапирах или саблях. Кроме того, Гейдрих был умелым наездником и, как и заместители фюрера Герман Геринг и Рудольф Гесс, имел лицензию пилота, которой пользовался с необычной для одного из высших руководителей рейха дерзостью и легкомыслием.

С началом войны группенфюрер стал совершать боевые вылеты — как на Западном, так и на Восточном фронте. Во время польской кампании 1939 года он летал в качестве бортового стрелка. Вскоре после того, как в мае 1940 года гитлеровцы перешли в наступление в Западной Европе, Гейдрих серь-

ёзно пострадал в авиакатастрофе. Но это его ничуть не смутило. Когда в июне 1941 года началась операция «Барбаросса» (вторжение в Советский Союз), Гейдрих принял участие в боях с русскими, пилотируя один из лучших истребителей рейха, «Мессершмитт Бф-109», который был украшен рунами СС в качестве его личной эмблемы.

22 июля, ровно через месяц после начала вторжения, удача вновь изменила ему. Самолёт Гейдриха был подбит зенитным огнём, впрочем, ему удалось совершить аварийную посадку. В течение двух дней он считался пропавшим без вести, застряв на нейтральной полосе между немецкими и русскими окопами, но в конце концов сумел пробраться к своим. Когда Гитлер узнал об этой едва не закончившейся смертью авантюре «человека с железным сердцем», он полностью запретил ему летать, и лишённому неба Гейдриху вновь пришлось искать способы, как разрядить своё постоянно накапливающееся напряжение на земле.

До войны, продолжая работать над расширением своей разведывательной империи, Гейдрих регулярно присутствовал на музыкальных вечерах и семейных обедах в доме своего соперника адмирала Вильгельма Канариса, который знал его по службе на флоте. «Маленький адмирал» руководил службой военной разведки абвер и был тонким знатоком человеческой натуры. Он не уступал Гейдриху в изощрённости ума, но в нём не было его беспринципности и кровожадной жестокости (за что он в итоге и поплатился). Наблюдая за Гейдрихом с близкого расстояния, Канарис смог почувствовать, что под приветливой внешностью его коллеги таится в самом буквальном смысле смертельный враг.

Однако такие чинно протекавшие вечера, во время которых Гейдрих не раз скрещивал шпаги в словесных баталиях с адмиралом, не могли в полной мере утолить его постоянную жажду риска. Сдерживаемый фюрером, а также Гиммлером — единственными людьми в рейхе, которых он не смелслушаться, —

внутри Гейдрих кипел от разочарования. Он собирал небольшие группы своих сотрудников и отправлялся с ними на прогулки по улицам и ночным заведениям Берлина, где предавался пьянству и распутству. Такие походы чаще всего заканчивались под утро, когда группенфюрера обнаруживали в объятиях одной или нескольких проституток. Ещё до того, как его посетила мысль использовать заведение вроде салона Китти для шпионажа, он успел хорошо изучить среду, в которой вращался. Поговаривали, будто однажды, вернувшись домой после такой загульной ночи и увидев собственное отражение в большом зеркале, Гейдрих спьяну принял самого себя за злоумышленника, вытащил пистолет и выстрелил в стекло. Будь это правдой, можно было бы сказать, что в кои-то веки Гейдрих не промахнулся и попал в истинного виновника собственных проблем.

В 1939 году Гейдрих по-прежнему находился на подъеме и не собирался останавливать свой стремительный карьерный взлёт. Одним из очевидцев, имевших возможность наблюдать за поведением и методами этого человека, был Ойген Дольман — дипломат и член СС, который исполнял обязанности личного переводчика Гитлера во время многочисленных встреч фюрера с его фашистским другом, марионеткой и соучастником преступлений — итальянским диктатором Бенито Муссолини. Дольман пережил войну и в 1967 году на страницах журнала *Der Spiegel* вспоминал о своих наблюдениях за Гейдрихом в Риме и Неаполе в апреле 1938 года.

Перед одной из встреч на высшем уровне между фюрером и дуче, которая должна была состояться во время визита Гитлера в Италию, группенфюреру поручили лично обеспечить безопасность мероприятия. Дольман, которого с самого начала поразил «ледяной, голубоглазый холод и суровость человека, занимавшего второй по важности пост в полиции Германии», оказался совершенно не готов к тому, что произошло дальше. Однажды вечером в Неаполе Гейдрих попросил Дольмана составить ему компанию по пути в известный неа-

политанский бордель под названием «Дом провинций». Дольман утверждал:

Он поделился со мной своими планами взять под опеку одно такого рода заведение в Берлине, где влиятельные друзья, дипломаты и другие господа из высшего общества будут предаваться ночным развлечениям — и всё это будет контролироваться им с помощью встроенных подслушивающих устройств.

О том, принял ли он приглашение Гейдриха посетить публичный дом, осмотнительный дипломат предпочёл умолчать.

Если верить Дольману, идея использовать бордель для своих тайных махинаций начала вызревать в голове у Гейдриха по крайней мере за год до того, как он вызвал к себе в кабинет Шелленберга и поручил ему приступить к осуществлению плана. В пользу того, что дипломат говорит правду, свидетельствует тот факт, что упомянутый им бордель в Неаполе на самом деле существовал и продолжал функционировать ещё в 1949 году. На тот момент «Дом провинций» был не более чем одним из 717 итальянских борделей с государственной лицензией, в которых на постоянной основе трудилось около 4000 проституток. Система прекратила своё существование лишь в сентябре 1958 года, когда лицензированные публичные дома закрылись.

Шелленберг был не единственным из подручных Гейдриха, кому тот поручил организовать операцию с салоном Китти. Чтобы шпион шпионил за шпионом, а у доброго полицейского был злой напарник, он выбрал гораздо более грубое и жёсткое существо — Альфреда Науйокса, который вскоре обзаведётся неофициальным прозвищем «человек, который начал Вторую мировую войну». Уроженец северогерманского порта Киль, Науйокс работал автомехаником, а затем изучал инженерное дело в университете своего родного города. Любитель рукоприкладства,

Науйокс ещё в студенческие годы стал непрофессиональным боксёром и тогда же присоединился к нацистам. В кровавых стычках между нацистами и коммунистами, которые в начале 1930-х годов вспыхивали по всей Германии, он приобрёл репутацию надёжного уличного бойца.

После прихода нацистов к власти Науйокс был принят в СД Гейдриха, первоначально в качестве простого водителя. Распознав склонность этого громилы к насилию, его презрение к закону и готовность идти на риск, в 1934 году Гейдрих поручил Науйоксу первое заказное убийство. Науйоксу было приказано отправиться в соседнюю Чехословакию — страну, где Гейдрих в итоге встретит свою судьбу, — и устранить человека, который стал особо болезненной и острой занозой в боку нового режима.

1934 год был тем моментом, когда долго назревавший конфликт между Гитлером и штурмовыми отрядами (*Sturmabteilung*, или СА) приблизился к своей кровавой развязке. Трёхмиллионная армия коричневорубашечников СА представляла собой военизированное крыло нацистской партии, накачавшей себе бандитские мускулы в ходе смертоносной уличной войны, которую она вела со своими противниками из числа коммунистов и социал-демократов в период *Kampfzeit* — борьбы, сопровождавшей приход нацистов к власти. Под руководством Эрнста Рёма, бывшего фронтовика с лицом, покрытым шрамами, и одного из старейших и ближайших соратников Гитлера, СА всегда пользовались полунезависимым, автономным статусом по отношению к партии. Проложив фюреру дорогу к власти своими кулаками, дубинками и револьверами, штурмовики жаждали насладиться плодами долгожданной победы.

Однако Гитлер лелеял на этот счёт другие планы. Он ещё не получил полного контроля над государством, и первый год у власти был опасным и щекотливым периодом для нового канцлера. Партнёры Гитлера по правящей коалиции из числа консерваторов, питая отвращение к грубому беззаконию СА, в любой момент могли убедить своего покровителя президента Гинден-

бурга отправить в отставку человека, которого сам Гинденбург презирал как «богемского ефрейтора», и объявить в стране военное положение. Поэтому вермахт (вооружённые силы) и консервативно настроенные нацисты, такие как Геринг, всё сильнее давили на Гитлера, требуя от него обуздать или даже полностью разгромить неуправляемых и буйных штурмовиков.

Рём, в ослеплении не замечавший сгущавшихся над ним политических туч, был озабочен планами по включению армии в состав СА и завершению того, что он называл «второй революцией». Временами, когда у него развязывался язык, он даже говорил о том, что не прочь избавиться от самого Гитлера. Гиммлер и Гейдрих разглядели в этом шанс для себя. Обезглавив и кастрировав СА, они получали прекрасную возможность многократно нарастить мощь своих СС. Одетые в чёрное эсэсовцы были намного более дисциплинированной, элитарной и идеологизированной силой, чем грубые коричневорубашечники. Происходя по большей части из благополучных семей среднего класса, они презирали своих пролетарских соперников из СА.

Рудольф Формис, которому предстояло стать жертвой Науёкса в Чехословакии, раньше был членом СА из Штутгарта. Радиотехник по профессии, он рассорился с нацистами и подвергся изгнанию из их рядов после того, как выяснилось, что одна из его бабушек была еврейкой. Расставшись с последними иллюзиями, Формис решил отомстить. Используя свои навыки связиста, он перерезал стационарную линию, по которой транслировалась одна из речей Гитлера, и прямо посреди выступления лишил фюрера большей части аудитории. Формис был арестован гестапо, жестоко избит и заключён в один из недавно появившихся концентрационных лагерей, где вне рамок судебной системы и в жесточайших условиях содержались тысячи противников нацистов. Через какое-то время Формису удалось бежать и добраться до чешской столицы Праги.

Здесь он присоединился к Отто Штрассеру, ещё одному бывшему нацисту, перешедшему в лагерь противников Гитлера. Одно время он, как и Рём, был близким соратником фюрера, но затем впал у него в немилость. Рём и Штрассер воспринимали социалистическую составляющую национал-социализма всерьёз и полагали, что Гитлер продался «реакции» (так нацисты обычно называли враждебно настроенных консерваторов), связавшись с капиталистами, которые финансировали набиравшую силу партию. В 1933 году исключённый из рядов НСДАП Штрассер бежал в Прагу и организовал здесь движение оппозиции в изгнании, выступавшее под названием «Чёрный фронт».

В июле 1934 года Гитлер наконец смог свести счёты и с СА Рёма, и со своими консервативно настроенными критиками. Учинённая в те летние выходные кровавая расправа вошла в историю как «ночь длинных ножей». Одной из самых заметных жертв чистки оказался Грегор Штрассер, старший брат Отто — и смелый критик Гитлера внутри партии. Как и Отто, он причислял себя к социалистам. Во многом благодаря его организаторским способностям партия смогла укрепиться за пределами его родной Баварии. Гитлер порвал с ним незадолго до прихода к власти, когда Штрассер со своими сторонниками соблазнился предложением войти в правительство без Гитлера. Грегор Штрассер ушёл из политики, но от мести Гитлера это его не уберегло. Орудием этой мести стал Рейнхард Гейдрих.

В ходе чистки «длинных ножей» Грегор Штрассер был арестован в Берлине. Его доставили на Принц-Альбрехтштрассе и бросили в камеру. Гейдрих отдал приказ о его немедленном расстреле. Однако пуля лишь перебила Штрассеру сонную артерию, забрызгав кровью стены камеры. Он буквально барахтался в собственной крови, когда заглянувший в камеру Гейдрих усмехнулся: «Ах, так он ещё жив? Пусть эта свинья истечёт кровью». Штрассер умирал на протяжении целого часа. Заключённый в соседней камере слышал, как он стонал в предсмертной агонии. Когда он наконец затих, его тело завернули в мешок